

Мари Сиврэй

КРИСТИНА

Мари Сиврэй Кристина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68797755

SelfPub; 2023

Аннотация

Мистико-реалистическая повесть о поисках себя в попытках не растерять того себя, что ты есть, отказе от принципов и нахождении себя нового другой ценой.

Мари Сиврэй

Кристина

Кристина.

Меня зовут Кристина. Мне не так уж много лет. Я верю в судьбу, а также в то, что ее можно изменить. Судьба как лист бумаги, на котором жирным шрифтом написаны ключевые слова в наших жизнях. А между ними есть пустые места, при чем их так много, что можно вписать целые предложения. Например, написано было "закончил университет, женился", а ты вписываешь "закончил университет, поехал в другой город, устроился на работу, поехал в аэропорт встречать друга и познакомился с немкой, женился". Чем не хорошо?

Вот и моя судьба тоже ничем не отличается. Я меняю, вписываю. Одним словом, стараюсь.

Но все чаще и чаще судьба стала ставить передо мной каверзные вопросы, на которые я, по ее мнению, должна найти ответ. Ей, видно, казалось, что слишком легко мне живется. По мере того, как эти вопросы, о которых я скажу позже, стали мне порядком надоедать, я начала искать на них ответы, чтобы наконец-то от них избавиться, но это все не пропадало просто так, это меняло меня, причем меняло кардинально.

А мне жилось отлично, хотя не сильно-то и счастливое было у меня детство: родители умерли очень рано, и жить я осталась на этом свете только благодаря их близкому дру-

гу дяде Жене, который, можно сказать, меня спас. Оформил опекунство и стал мне как отец. Он очень хорошо знал родителей, и я их узнавала из его рассказов. А разлучила меня с ними судьба как-то быстро, необдуманно, они только родили меня, чуть-чуть мама успела выкормить, да отец порадоваться, как разбились они вдвоем на мотоцикле.

У меня была родная тетя, то есть она и сейчас тоже есть. Папина сестра. Они оставили меня ей, когда уезжали, она очень радовалась, хотя своих две штуки было. Все бегала вокруг меня, как она рассказывала. А как несчастье случилось, так я ей не к месту стала. Я три года у нее прожила. Но дядя Женя часто являлся, просил, чтоб она над дитем не издевалась, чтоб отдала меня ему, а она отвечала, что не отдаст, что это единственная память ей о брате, и что ей судьбой написано меня растить, и гнала его. Я-то мало чего помню из той поры, но как дядя Женя рассказывал, плохо мне приходилось, не доедала, то есть она меня меньше чем родных кормила, одевала плохо, била, стыдила. А за что не помню. Помню, что била, и от всей той поры нехороший осадок остался. Вот как вспомню детство, так обязательно с болью и в черных красках. Потом с горем пополам отдала меня, да еще денег потребовала, за то, что я прожила. А у дяди Жени, он тогда молоденький был, тоже не все гладко в жизни было, у него при родах жена умерла, да еще и ребенок, поэтому обо мне он очень заботился. Они с родителями все втроем с песочницы дружили, и в одном университете учились. Ни-

когда не расставались.

Постепенно все в норму стало приходить. Дядя Женя рассказывал, что я в детстве очень любознательной была, все куда-то лезла, чего-то искала, и раньше времени его попросила меня алфавиту научить, так что в пять лет уже книжки читала.

И вот зажилося! И все-то хорошо было. Ясно-ясно как на небе перед грозой. Я окончила школу, университет, и тут хорошая работа подвернулась, устроилась сначала на совсем небольшой оклад, но постепенно дошла до заместителя, а потом и руководителем стала. Компания наша известность получила, а под бок внезапно дяде Жене подвернулась моя тетя. Видно прознала о моих победах. Он мне долго не рассказывал, но однажды, когда я просто так заговорила о ней, рассказал, что встречал ее, что она больна и хотела бы меня видеть. Оказывается, он иногда виделся с ней, до него доходили слухи о том, что и как ей живется. Однажды, он рассказал, ее дочка украла сережки в магазине. И тут я поняла, что судьба сделала мне одолжение, избавив меня от нее.

Мне захотелось с ней встретиться. Я подумала, что она, как в старых бразильских фильмах, захочет перед смертью попросить у меня за все прощение, отпустить, как говорится, грехи. Я поняла, что точно хочу увидеть тетку. Хочу взглянуть ей в глаза и посмотреть, что она мне скажет, не испугается ли... Но я не смогла. То есть я приехала, но не смогла

взглянуть на нее так, как она заслуживала. Я не смогла обвинить ее в том, в чем давно хотела обвинить. Наоборот, я почувствовала жалость. Она, конечно, отнюдь не лежала в кровати, как мне представлялось, и не тянула ко мне иссохшую слабую руку, но была больна по-другому. Она стала старой и жирной, ее шея заплыла, и появился второй подбородок, а когда она пригласила меня в комнату, то еле волочила ноги от тяжести и все время страдала отдышкой. Нет, не жаль, я не так выразилась, мне не стало ее жаль, я просто подумала, что она уже вполне ответила за то, что сделала. И я не посмотрела на нее так, как хотела. А она и была рада, что я забыла и простила ей все.

Но я не простила. Наоборот, вдруг припомнилось все, что когда-то было. Однако, я не собиралась расправляться с ней физически. Однажды она позвала меня на свой юбилей. Я приехала. Даже не знаю почему. Наверное, мне было приятно видеть, как она расстилается передо мной. Я даже готова была платить ей и ее дорогим деткам за все это деньги. Я приехала позже всех, но, когда вошла в зал, тетя представила меня как горячо любимую и самую уважаемую племянницу, хотя я и была у нее единственной племянницей, но это никого не интересовало. Я как настоящий граф Монте Кристо подарила ей кольцо с бриллиантом. А когда она позвала меня к ней пить чай в следующий раз, я снова приехала и уже начала получать удовольствие от того, как тетя стелилась передо мной. Как облизывала мне ноги, и мне стало ее жаль

еще больше.

С тех пор тетя стала какой-то забавой. Когда я уставала, то вечером навещала ее, как на бесплатный энергетический массаж души. Мне было приятно следить, как она деградирует, и насколько долго она может так деградировать.

В тот день, я в очередной раз забрела в магазинчик старого типа, где продавщица пряталась за прилавком, выдавая товары. Я хотела купить тортик к чаю, чтобы поехать к тетке.

Я вошла в магазин и заняла место в очереди к кассе. Передо мной стоял невысокий дедок в старой "Аляске" и поношенной кроличьей шапке-ушанке. Он медленно подошел к кассе, когда очередь продвинулась, и взглянул на прилавок с колбасами, а потом посмотрел на меня. Я увидела его серые мокрые глаза, которые почему-то улыбались, или мне так казалось, но я поняла, что ошиблась. Он вынул из кармана скомканный платок и поднес его к глазам, вытерев слезы. Уже позднее я подумала, что эти слезы могли быть не от собачьего холода, а от чего-то другого.

В магазине было шумно и стояло много охранников, но больше всего мне не понравилось, что они смотрят именно на тех, кто вовсе не заслуживает, чтобы на них так смотрели. Дедок попросил у продавщицы булку хлеба и пачку масла. Она подала и выбила чек, подергиваясь нервно. Дедок вынул из кармана мятые и потемневшие 100 рублей и протянул продавщице, она взяла их и переключилась на меня.

В тот момент я что-то ощутила. Мне вдруг стало неважно, одета ли я хорошо или нет, и неважно, есть ли у меня в кармане такие же 100 рублей или больше, мне почему-то вдруг стало на все плевать. Как будто молния сверху ударила. Я на минуту выпала из окружения, неся торт просто вышла на улицу и пошла дальше. А тот дедок странным образом шел впереди меня, и снег хрустел под его костылем. Он зашел в тот же дом, куда надо было и мне.

Тетя с удовольствием разрезала торт, который я купила. Мы посидели, и она, раздухоренная сладким угощением, завалилась на диван и стала глубоко вздыхать и жаловаться на судьбу. Я села рядом. Она завела беседу о жизни, о том, сколько пришлось на ее долю. Мне было интересно послушать. А потом я вышла из дома и в странных чувствах направилась к себе домой.

В выходные она снова позвонила и пригласила меня. Я засобиралась, но тут ко мне подошел дядя Женя и сказал:

– Кристиночка, не надо, не езд.

Я спросила, почему.

Он ответил:

– Не надо, брось, она за свое ответит перед Богом, а ты ее мучить брось.

– Дядюшка, милый мой, да кто ж ее мучает?

– Крестинка, слышь, ты меня послушай, оставь. Бог ей судья, а ты себе греха заработаешь!

– Да что ты, дядя Жень! Она же сама себя губит. А где

Бог-то твой? Долго ждать, пока он сообразит, кого за что наказывать надо. И улыбнулась, закрывая сумочку.

– Кристина-Кристина! Я тебя этому не учил. Откуда ж ты такая?

– Какая, дядя Жень? Какая? – Улыбаясь, спросила я и убежала из дому.

А на следующий день, собрались с друзьями, гуляли на дне рождения. Поэтому утром я искала подарок, и обегала кучу магазинов. Проходили с подругой и мимо церквушки, там обычно всегда былолюдно, много нищих на паперти, но в тот день всего одна женщина сидела. Мы, счастливые, насыпали ей мелочи, она сидела молча, не смотря в глаза, но когда ей в ладонь мои монетки посыпались, тогда она резко подняла голову и взглянула на меня, сказав:

– Хорошо, что ты пришла. У тебя и имя такое, Кристина, христианка, верующая. Верить ты должна, верить.

Я улыбнулась:

– Вы меня знаете?

– Зачем же знать, все же на лице написано. – И снова опустила глаза.

Я тоже застыла, думала о чем-то, о словах ее, не понравились они мне, и тут подруга меня за руку дернула, сказала:

– Пошли, ты что?

– Да ничего, как-то странно все это.

– Да! Мало ли что сказала? Они здесь вообще должны сидеть, только добро людям говорить, возле церкви ведь, это

я понимаю, если злыдня какая-то где-то подловила, да чушь наплела, а они тут возле церкви – люди другие.

– Вот именно, другие, так зачем же тогда странные вещи наговаривать.

Но потом все образовалось. Я позабыла эту женщину. Днем была на работе, вечером бегала на свидания с любимым другом Виталей. Так и проводила свое время.

Потом дядя Женя уехал в Евпаторию, и я осталась одна. Наставали самые веселые дни – приходила весна. Обычно, когда она приходила, я чувствовала ее сердцем. Друзья никогда не верили, когда я говорила, что чувствую весну, все смеялись и отвечали, что она еще не скоро. Но я никогда не ошибалась. Всегда скидывала с себя шубу и отбрасывала подальше шарф и бежала на улицу. И хоть я и простужалась, и валялась потом в кровати, но всегда точно на следующий день приходило настоящее тепло, которое уже не отступало.

Так было и в этот раз.

Простуда прошла незаметно, хотя и было сложновато. Тут еще дядя Женя телеграмму прислал, что с курорта поедет сразу к брату двоюродному в Калининград. Поэтому раньше лета я его не ждала.

Однажды, когда Виталья ночевал у меня, мне приснился довольно странный сон. Я просто не ожидала, что такое может присниться, да еще и мне, человеку глубоко неверующему, или скорее безразличному в этом смысле. Мне приснил-

ся ангел. Хотя я и не знала, как они выглядят, но я почему-то точно поняла, что он был ангел. Он стоял возле кровати и светился, чуть возвышаясь над полом, и меня он совсем не напугал. Он был молчалив, и ни одна мускула на его лице не выдавала его настроения. Я не могла понять, то ли он печален, то ли рад. Но потом он сказал, что покажет мне что-то, что поможет мне, повел меня за собой и остановился. А затем, повернувшись ко мне, протянул на двух руках книжку с золотыми буквами. И исчез. А я продолжила спать.

Утром, когда Виталя проснулся, рассказал мне следующее:

– Ты ночью куда ходила?

– Куда ходила?

– Ты что, уже не помнишь, что ночью вставала?

– Нет. А что, вставала? – Засмеялась я.

– Ага, пошла вперед, короче, руки вытянула. Зашла в кабинет и там стекло разбила от шкафа, вытащила Библию, и легла спать под стол с ней в обнимку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.